

5.7.7. – Социальная и политическая философия (философские науки)

Научная статья

Research article

УДК 101.1:316

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.73-80>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Патерналистская модель помощи:
проблемы и перспективы
(социально-философский анализ)**

Васюков Р.В.

*Российский государственный социальный университет,
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр.1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу патерналистской модели помощи в контексте современных культурных, технологических и этических трансформаций. Исследуется противоречия классического патернализма, основанного на иерархии «субъект–объект», и альтернативные ему подходы, ориентированные на формирование совместной агентности участников. С использованием междисциплинарной методологии (постструктурализм, теория интра–действия К. Барад, акторно–сетевая теория Б. Латура) раскрывается роль технологий в возрождении патерналистских практик. Особое внимание уделяется проблеме эпистемической несправедливости, дегуманизации социального и медицинского видов взаимодействия, а также феномену самопомощи. Делается вывод о необходимости синтеза технологического прогресса с этикой взаимности и горизонтальной солидарности для сохранения гуманистического измерения помощи.

Ключевые слова: патернализм, помощь, эпистемическая несправедливость, агентность, медицинская антропология, искусственный интеллект, интра–действие, shared decision–making, горизонтальная солидарность.

Для цитирования: Васюков Р.В. Патерналистская модель помощи: проблемы и перспективы (социально–философский анализ). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(2(69)):73–80.

**The Paternalistic Model of Assistance:
Problems and Prospects
(A Socio-Philosophical Analysis)**

Vasyukov R.V.

Russian State Social University, Moscow, 129226, Russia

Abstract. The article critically examines the paternalistic model of assistance in the context of modern cultural, technological, and ethical transformations. The author explores the contradictions of classical paternalism, based on the "subject–object" hierarchy, and alternative approaches emphasizing joint

agency. Using an interdisciplinary methodology (poststructuralism, Karen Barad's intra-action theory, Bruno Latour's actor-network theory), the study reveals the role of technologies, such as AI diagnostics, in reviving paternalistic practices. Special attention is paid to epistemic injustice, dehumanization of medical interactions, and resistance through self-help. The conclusion highlights the need to integrate technological progress with an ethics of reciprocity and horizontal solidarity to preserve the humanistic dimension of care.

Keywords: paternalism, assistance, epistemic injustice, agency, medical anthropology, artificial intelligence, intra-action, shared decision-making, horizontal solidarity.

For citation: Vasyukov R.V. The Paternalistic Model of Assistance: Problems and Prospects (A Socio-Philosophical Analysis). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(2 (69)):73–80. (In Russ.)

Введение

Феномен помощи в науке и философии исторически рассматривался преимущественно имплицитно, через призму вопросов благотворительности, милосердия, дружбы, любви, блага, справедливости, власти, свободы и т.д. С XIX–XX вв. изучение этого феномена приобретает новое измерение благодаря развитию естественных наук, прежде всего биологии, чьи достижения обогатили существующий дискурс натуралистическими смыслами.

Сегодня возникает парадоксальная ситуация, при которой помощь отчасти сохраняет сакральный статус, неся глубокие культурные и религиозные смыслы. Однако эпоха модерна добавляет к ним естественно-научные и политические смыслы, что побуждает трактовать помощь и как социобиологически обусловленное действие, и как акт социального и культурного обмена, и как социально-политический инструмент преобразования социальной действительности.

Кроме того, в современных условиях, на фоне цифровой революции и пересмотра традиционных этических парадигм, сама суть помощи как явления оказывается под сомнением. Современные дискуссии о помощи давно переросли узкопрофессиональные рамки, затрагивая фундаментальные проблемы человеческого достоинства, автономии и коллективной ответ-

ственности. С одной стороны, технологический прогресс обещает преодолеть ограничения в оказании помощи. С другой стороны, он несёт угрозу новых форм отчуждения, создавая риск формирования реальности, в которой человеческое измерение будет вытеснено алгоритмами и автоматизированными системами.

В статье ставится целью исследовать патерналистскую модель помощи и её перспективы сквозь призму трансформации культурных, технологических и этических ландшафтов.

Методы

Данное исследование опирается на междисциплинарный подход, основанный на трех ключевых компонентах:

- Использование концептов постструктуралистской философии (Мишель Фуко, Эммануэль Левинас) для критики патерналистских моделей и раскрытия динамики власти в отношениях помощи.
- Применение теории «интра-действия» Карен Барад и акторно-сетевого подхода (Бруно Латур) для изучения роли нечеловеческих акторов (технологий, алгоритмов) в формировании практик оказания помощи.
- Опора на концепции «эпистемической несправедливости» (Миранда Фрикер) и «множественных онтологий» (Аннемари Мол) для исследования агентности пациента и переосмысле-

ния границ между субъектом и объектом помощи.

Результаты и обсуждения

Феномен помощи традиционно рассматривался как определенное деятельностное вмешательство человека в естественный ход событий, направленное на достижение блага, превосходящего результат невмешательства. Однако современные исследования демонстрируют, что помощь – это не просто вторжение в «естественное», нарушение «естественного», но и сложный социальный акт, требующий рефлексии над возникающими в связи с ним политическими, социальными, культурными и этическими смыслами.

Под влиянием философских концепций XX века акцент сместился в сторону понимания помощи как формы совместной агентности, при которой ее носители координируют усилия для преодоления общих ограничений.

В противовес этому классический патерналистский подход, долгое время остававшийся доминирующим и сохраняющий актуальность во многих сферах человеческого взаимодействия, предполагает жёсткое разделение ролей на активный субъект и пассивный объект помощи, акцентируя внимание на различии позиций участников отношений. Для **субъекта** ключевыми характеристиками выступают:

- Наличие социально, политически, экономически, профессионально или морально значимой задачи;
- Наличие условий для её решения, включая ресурсы, компетенции и институциональные возможности;
- Осознание необходимости содействия, сопряжённого с осознанным выбором вектора приложения сил и компетенций;
- Готовность к действию – переход от абстрактной мотивации к конкретным практикам, от замысла к воплощению.

Объект помощи, в свою очередь, определяется:

- Индивидуальной проблемой, требующей внешнего вмешательства, что коррелирует с концепцией «уязвимости» как антропологической константы (в интерпретации школы философской антропологии);
- Дефицитом условий, ресурсов и компетенций для самостоятельного преодоления кризиса;
- Осознанием потребности в помощи, что сопряжено с феноменом признания ограниченности собственных возможностей;
- Готовностью принимать поддержку – аспектом, имплицитно затрагивающим вопросы власти и автономии субъектов взаимодействия.

Различие данных параметров не столько противопоставляет субъект и объект, сколько раскрывает их онтологическую взаимодополняемость, при которой помощь становится актом совместного преобразования социальной действительности.

Стоит подчеркнуть, что патернализм как концепция опирается на базовое разделение ролей: помощь всегда иницируется активным субъектом, материально и социально детерминированным, что эмпирически проявляется в асимметрии ресурсов, статусов и агентности в сравнении с объектом.

Патерналистская модель помощи фокусируется на главенствующей роли субъекта, его мотивах и профессиональных стандартах. Она основана на бинарном разделении, предполагает наличие экспертной стороны и подчиняющегося ей пациента (клиента). Ее актуальность во многом обусловлена успехами естественных и технических наук в XIX–XX веков, особенно в медицине. Достижения, такие как разработка антибиотиков или методы визуализации внутренних органов и много другое, не только улучшили средства помощи, но и утвердили позитивистскую веру в универсальность научно-

го метода. Как отмечали мыслители франкфуртской школы [1, с. 72–75], инструментальная рациональность, доминирующая в естественных и технических науках, переносится на социальные практики, что в свою очередь, превращает помощь в управляемый процесс с четкими границами между действующей стороной и стороной, претерпевающей на себе действие.

Последующая философия подвергает эту модель критике, указывая на риски обесценивания агентности объекта. Происходит поиск баланса между направляющим вмешательством и сохранением выбора, а персоналистская этика смещает акцент на диалог, взаимность и эмоциональную вовлеченность. Пандемия COVID–19, к примеру, стала катализатором переосмысления помощи как «горизонтальной солидарности», что противостоит иерархизму, который присущ патерналистской модели.

Кроме того, современные исследования подчеркивают возрастающую агентность «нечеловеческих акторов» (например, технологий), которые определяют формы и содержание человеческих взаимодействий. *«...теперь быть «актером» – это полностью искусственная и полностью прослеживаемая сборка.»* [2, с. 291] – пишет основоположник акторно–сетевой теории Б. Латур.

Однако критика патернализма интенсифицировалась в связи с осознанием того, что «объект» помощи – не пассивный реципиент, а динамический субъект, способный влиять на процесс. Философия Другого Эммануэля Левинаса акцентировала внимание на том, что Другой трансцендентен и не может быть сведён к объекту манипуляций. *«Другой, поскольку он другой, – не просто alter ego; он есть то, что я не есмь. И он таков не в силу своего характера, облика или психологии, но в силу самого своего бытия другим. Он, скажем, слаб и беден, «унижен и оскорблен», а я вот богат*

и силен. Можно сказать, что межсубъектное пространство несимметрично. Внешность бытия другого возникла не просто благодаря пространству, разделившему понятийно–тождественное; она и не понятийное различие, проявляющееся будто бы в пространственной внешности. Отношение «дружости» – не пространственное и не понятийное. Дюркгейм ошибается в понимании особенности другого, когда спрашивает, почему объектом добродетельного поступка должен быть прежде всего другой, а не я сам. Как будто не ясно, что разница между любовью к ближнему и правосудием в этом – то и заключается: любовь к ближнему предполагает предпочтение себе другого, а с точки зрения справедливости, никакого предпочтения быть не может.» [3, с. 90–91]

В медицинском контексте это выразилось в постепенном переходе от патерналистской модели к практике *shared decision–making*, в которой пациент выступает равноправным агентом в процессе оказания помощи. Современные исследования, в частности исследования А. Мол, демонстрируют, что болезни и пациенты существуют в рамках «множественных онтологий», что придаёт фигуре «объекта» помощи онтологически нестабильный статус [4, с. 36–40].

Выводы

Некоторые современные тенденции вновь актуализируют патерналистскую модель взаимодействия в медицине. Безусловно, принципы диалога и партнёрства остаются идеалом, но возникает вопрос – насколько они достижимы в условиях технологической революции здравоохранения и социальной сферы?

Развитие систем ИИ для диагностики, в этическом плане как будто возвращает нас к архаичным моделям помощи. Повышая точность диагнозов, методов лечения и реабилитации, алгоритмы одновременно делают менее

прозрачным сам процесс принятия решений. В перспективе медицинские решения могут достичь такой сложности, что получение «вердикта» от искусственного интеллекта может начать восприниматься как передача сакрального знания – подобно тому, как в древности жрецы интерпретировали волю богов, а остальные пассивно ожидали их решений. В этой логике врач рискует превратиться в своего рода оракула – посредника между непрозрачным ИИ и пациентом.

Особую остроту приобретает проблема информированного согласия. Высокотехнологичный медицинский дискурс, оперирующий сложнейшими алгоритмами и специализированной терминологией, невольно конструирует образ пациента как пассивного носителя патологии, а не полноценного участника процесса. Исследования последних лет демонстрируют, что даже при искреннем желании медики зачастую не способны донести до пациента всю сложность рисков и прогнозов. Это закономерно приводит к ситуации, когда окончательное решение де-факто остаётся за специалистом, возвращая нас к обновлённой версии медицинского патернализма. В ситуациях, когда выбор принципиально отсутствует – например, при оказании экстренной медицинской помощи – этические противоречия патерналистской модели проявляются особенно ярко. Примечательно, что в рамках этой системы зачастую скрывается феномен символического насилия, маскирующегося под заботу о благо пациента. Решения, навязанные «сверху» и преподносимые как единственно верные, нередко подавляют автономию тех, кого они затрагивают.

Сведение человека к роли пассивного «получателя помощи» в логике патернализма игнорирует его фундаментальное право на самоопределение. На практике это выражается в подмене личных ценностей и потреб-

ностей пациента профессиональными суждениями специалистов. Даже процедура информированного согласия зачастую становится ритуалом, мнение клиента формально выслушивается, но реальное решение, по сути, осуществляет специалист. Это перекликается с идеей «эпистемической несправедливости» Миранды Фрикер [5]. С.Ю. Шевченко в статье *«Презирать и подсказывать: эпистемическая несправедливость и контр-экспертиза»* подробно исследует различные формы «эпистемической несправедливости», проявляющиеся в процессах экспертизы: *«замалчивание и дериватизация другого (свидетельствование от его лица) представляют собой хотя и не взаимоисключающие, но разные формы эпистемической несправедливости, которые проявляются на различной «глубине» конфликтов, связанных с экспертизой.»* [6, с. 29]

Характерным примером может служить ситуация с хирургическим вмешательством. Аргументация о необходимости превращения пациента в «нейтральный объект» во время процедуры нуждается в критическом переосмыслении. Даже если технические манипуляции предполагают временное ограничение активности, это всё же не отменяет его роли как активного соучастника процесса. Как показала А. Мол в работе *«Множественное тело: Онтология в медицинской практике»*, медицинские практики формируются во взаимодействии врача, пациента, технологий и даже диагнозов – все эти элементы совместно конструируют клиническую реальность. Более того, подготовительные и реабилитационные этапы немыслимы без осознанного участия больного, что окончательно опровергает миф о пассивной роли пациента [7, с. 88–90].

Традиционный патерналистский подход не всегда в полной мере учитывает взаимный характер медицинского взаимодействия. Как отмечает фило-

соф Карен Барад в теории «интра-действия», ответственность в системе отношений формируется совместными усилиями всех участников [8]. Даже в ситуациях, когда пациент проявляет сопротивление – будь то осознанное решение или телесная реакция, – это закономерно влияет на профессиональную позицию врача, способствуя пересмотру его установок. Примером такого диалогического подхода может служить практика Open Dialogue в психиатрии, при котором терапевтический процесс строится на совместном обсуждении с пациентом, его близкими и специалистами.

Стоит отметить, что чрезмерный акцент на патерналистской модели может сужать возможности для самоактивации, самопомощи, заботы о себе, предполагая преимущественно пассивную позицию пациента (клиента). Философская рефлексия феномена заботы о себе представлена в работе Мишеля Фуко «Герменевтика субъекта», в ней забота о себе (*epimeleia heautou*) рассматривается не только как этический императив, но и как важный элемент становления субъектности в целом [9, с. 14]. Современные тенденции, такие как движение *peer support* в сфере ментального здоровья, в котором люди с опытом кризисов взаимно поддерживают друг друга, демонстрируют возможность сочетания профессиональной помощи с горизонтальными формами взаимодействия и самоорганизации.

Философ Иэн Джеймс расширяет это понимание, интерпретируя самопомощь не только как личную практику, но и как способ восстановления агентности в диалоге с экспертными системами [10]. В этом контексте самостоятельная забота о себе приобретает особое значение – аспект, который в традиционных моделях помощи иногда остаётся на периферии внимания. Современные подходы стремятся найти баланс между профессиональным

руководством и признанием ценности личной инициативы пациента.

Заключение

Современное понимание феномена помощи складывается в диалоге между традиционным патернализмом и моделями совместного участия. Классический патерналистский подход, сформировавшийся в эпоху доминирования инструментальной рациональности, устанавливает жёсткое разграничение ролей: активный субъект и принимающий помощь объект. Однако философские и социальные трансформации последних десятилетий предлагают иную оптику – помощь всё чаще интерпретируется не как одностороннее воздействие, а как процесс со-творчества, в котором границы между участниками обретают подвижность. Как демонстрируют исследования Аннемари Мол, Карен Барад и Мишеля Фуко, даже в высокотехнологичных медицинских практиках пациент сохраняет статус активного субъекта. Его выбор, реакции, вопросы или молчание не просто учитываются, но и конституируют саму структуру взаимодействия, обнажая взаимозависимость всех сторон.

Технологический прогресс, при всей своей позитивной роли, создаёт предпосылки для возвращения патернализма в обновлённых форматах. В перспективе врач, выступая интерпретатором данных искусственного интеллекта, рискует стать посредником между пациентом и технологическим «чёрным ящиком», что может усилить пассивную позицию «получателя» помощи. Это актуализирует вопрос: как сохранить пространство для диалога и личной агентности, когда решения всё чаще будут опираться на непрозрачные алгоритмы? Ответ, возможно, кроется в поиске компромисса между адептами технократизма и теми, для кого человеческая свобода всё ещё остаётся принципиальной ценностью.

Отдельного внимания заслуживает возрастающая роль самопомощи и peer support-практик. Эти инициативы, вопреки стереотипам, не противостоят профессиональной помощи, а дополняют её, создавая альтернативные каналы поддержки. Патерналистский подход, сосредоточенный на экспертной монополии, зачастую упускает из виду, что даже в условиях уязвимости человек сохраняет способность к самоорганизации и осмысленному выбору. Горизонтальные сети взаимопомощи – будь то психологические группы поддержки или медицинские онлайн-сообщества – демонстрируют, что со-

лидарность может быть сопоставима по эффективности с иерархическими моделями.

Таким образом, эволюция помощи связана не с отрицанием прошлого, а с поиском баланса. Речь идёт о переходе от бинарных оппозиций («эксперт – пациент», «технологии – человечность») к гибридным моделям, в которых патернализм эволюционирует в сопровождение, а совместная агентность закрепляется как норма, что требует пересмотра не только профессиональных протоколов, но и определенных культурных трансформаций.

Список литературы / References

1. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2011. – 224 с.

Horkheimer M. Eclipse of Reason: Critique of Instrumental Reason. – Moscow: Canon+ ROOI Rehabilitation, 2011. – 224 p. (In Russ.)

2. Латур Б. Пересборка социально-го: введение в акторно-сетевую теорию [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory [Text] / Transl. from English by I. Polonskaya; Ed. by S. Gavrilenko. – Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2014. – 384 p. (In Russ.)

3. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А. В. Парибок. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 265 с.

Levinas E. Time and the Other: Humanism of the Other / Transl. from French by A. V. Paribok. – St. Petersburg: Higher Religious-Philosophical School, 1998. – 265 p. (In Russ.)

4. Мол А. Множественное тело: Онтология в медицинской практике / пер. с англ. группы Cube of Pink (МГУ); под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. – Пермь: Гиле Пресс, 2017. – 254 с.

Mol A. The Multiple Body: Ontology in Medical Practice / Transl. from English by Cube of Pink group (MSU); Sci. eds. A. Pisarev, S. Gavrilenko. – Perm: Gile Press, 2017. – 254 p. (In Russ.)

5. Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 198 p.

6. Шевченко С. Ю. Презирать и под-сказывать: эпистемическая несправед-ливость и контр-экспертиза // Эписте-мология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 20–32.

Shevchenko S. Yu. To Despise and Prompt: Epistemic Injustice and Counter-Expertise // Epistemology and Philosophy of Science. 2020. Vol. 57, No. 2. Pp. 20–32. (In Russ.)

7. Мол А. Множественное тело: Он-тология в медицинской практике / пер. с англ. группы Cube of Pink (МГУ); под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. – Пермь: Гиле Пресс, 2017. – 254 с.

Mol A. The Multiple Body: Ontology in Medical Practice / Transl. from English by Cube of Pink group (MSU); Sci. eds. A. Pisarev, S. Gavrilenko. – Perm: Gile Press, 2017. – 254 p. (In Russ.)

8. Барад К. Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практи-ки обретают значимость / Пер. с англ. И. Штейнер // Опыты нечеловеческо-го гостеприимства: Антология / Ред. М.

Крамар, К. Саркисов. – М.: V–A–C press, 2018. – С. 42–121.

Barad K. Agential Realism: How Material–Discursive Practices Acquire Significance / Transl. from English by I. Shtainer // Experiments in Inhuman Hospitality: An Anthology / Eds. M. Kramar, K. Sarkisov. – Moscow: V–A–C press, 2018. – Pp. 42–121. (In Russ.)

9. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер.

с фр. А. Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.

Foucault M. The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the Collège de France, 1981–1982 / Transl. from French by A. G. Pogonyailo. – St. Petersburg: Nauka, 2007. – 677 p. (In Russ.)

10. James I. The Technique of Thought: Nancy, Laruelle, Malabou, and Stiegler after Naturalism. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2019. – 232 p.

Информация об авторе

Васюков Ростислав Викторович, кан. филос.наук, доцент, Российский государственный социальный университет, кафедра современных аксиологических проблем и религиозной мысли. Author ID 780566; ORCID ID 0009-0006-1904-1875, e-mail: rostislawww@mail.ru

Information about author

Rostislav Viktorovich Vasyukov, PhD, Associate Professor, Russian State Social University, Department of Contemporary Axiological Issues and Religious Thought, Author ID 780566; ORCID ID 0009-0006-1904-1875, e-mail: rostislawww@mail.ru

Поступила в редакцию 09.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.
Received 09.05.2025; Accepted 02.06.2025